

ДЫМ НАД ТАЙГОЙ

Роман

НА КЕДРОВОЙ

Пятисоттонная баржа с буровым оборудованием пришвартовалась к причалу нефтеразведочной экспедиции в пять утра. Северное солнце, пытаясь оторваться от горизонта, никак не могло высвободить нижний край из дымящейся розовой полоски, разлившейся над самой водой на противоположном, затопленном берегу Оби. И потому казалось, что далеко-далеко над рекой клубится огненный туман.

Баржу ждали давно. Остудин и Кузьмин дремали в балке недалеко от причала. Около него стояли речной кран и две небольшие баржонки, на которые надо было перегрузить оборудование, предназначенное для Кедровой. Вода за последние два дня упала более чем на метр, и большие суда по извилистой и мелководной таежной речке Ларьеган пройти уже не могли. На разгрузку отводились часы, и Остудин решил контролировать ее сам.

На причал Остудин пришел в два часа ночи. Кузьмин уже был там. Летняя северная ночь больше похожа на легкие сумерки. До того легкие, что если небо не затянуто облаками, можно читать книгу. Но это только для людей. Природа не отличает светлую ночь от темной, она спит. В лесу не слышно пения птиц, нахохлившись чайки угрюмо сидят на речном песке недалеко от воды. Даже надоедливые противные комары и те не летают. Ждут, когда выйдет солнышко и обсушит на траве росу.

Остудин увидел Кузьмина на берегу у баржи. На нем была штормовка, на ногах — болотные сапоги с отвернутыми голенищами. Он стоял у самой воды и разговаривал с незнакомым мужчиной. Остудин спустился к ним, поздоровался с обоими за руку.

— Вася Шлыков, — кивнув на собеседника, сказал Кузьмин. — Шкипер баржи, — и, окинув шкипера взглядом с ног до головы, добавил: — Местная знаменитость.

— Нам плохих не присылают, — улыбнулся Остудин.

На шкипере тоже была штормовка, правда, не зеленая, а уже давно выцветшая, почти белая, с темными масляными пятнами на рукавах и полах. Остудин понял, что Шлыков будет главным на барже, которой сегодня придется идти на Кедровую. Вечером, когда Остудин уходил с работы, ее здесь еще не было. Шкипер выглядел речником бывалым, исходившим, небось, всю Обь и ее притоки вдоль и поперек, поэтому Остудин, кивнув на баржу, спросил:

— Вам по Ларьегану на ней приходилось плавать?

— Там, язви ты, разве плаванье? — Шлыков резко повернулся и длинно, сквозь зубы, сплюнул на воду. — Там сплошная угробиловка.

— Меня не это интересует, — сказал Остудин. — Угробиловка у нас везде. Пройти-то по реке можно?

Шлыков потер пальцем уголок глаза, будто ему мешала попавшая в него соринка, посмотрел на палец и сказал:

— Кто его знает? Там ведь никто никогда не ходил.

— Ты, Васька, цену себе не набивай, — спокойно заметил Кузьмин. — Пройдешь, никуда не денешься. Я сам там ходил, еще когда в геофизике работал.

— Я разве говорю, что не пройду? Конечно, пройду, — тут же согласился Шлыков и, снова потерев пальцем уголок глаза, добавил: — Пойду к себе, там хоть полежать можно.

Он, кряхтя, поднялся по трапу на баржу и скрылся в каюте, оборудованной на корме. Кузьмин проводил его взглядом и предложил:

— Пойдем, Роман Иванович, и мы. Кто знает, когда придет наша баржа.

Они поднялись на берег, зашли в балок, сели на широкую лавку, стоявшую у стола. Кузьмин положил на стол руки и опустил на них голову. Остудин навалился спиной на стену и закрыл глаза. Говорить ни о чем не хотелось, думать — тоже. Все уже давным-давно было передумано и сказано. Надо было подготовиться к приходу баржи, разгрузить ее и отправить оборудование на Кедровую площадь. А баржи нет и нет.

Остудин не заметил, как задремал. Сквозь дрему услышал скрип двери. Открыл глаза и увидел, что Кузьмин выходит наружу. Очевидно, он хотел посмотреть, нет ли на горизонте какого-нибудь судна. Остудин подсознанием понимал, что надо встать и пойти за ним. Но вставать не было сил. Роман Иванович задержал

дыхание и прислушался. Снаружи не доносилось ни звука. Если бы баржа подходила к Таежному, тарыхтение толкача было бы слышно за несколько километров. Ночью река далеко разносит каждый звук.

Вскоре дверь открылась, Кузьмин вернулся в балок.

— Подремли, Константин Павлович, — сквозь сон посоветовал Остудин. — Побереги силы, они нам днем пригодятся.

— Ждать и догонять — хуже всего, — ответил Кузьмин, сел к столу и снова положил голову на руки.

На этот раз они задремали оба. Разбудил их Шлыков. Он рывком открыл дверь балка и громко объявил:

— Идут!

Остудин тряхнул головой и бессмысленно посмотрел на шкипера.

— Идут! — повторил Шлыков. — Баржа идет.

Остудин, окончательно стряхнув сон, явственно услышал далекий шум судового двигателя. Поднялся, остановился в дверях балка, посмотрел на реку. Ни баржи, никакого другого судна не было видно на всем ее протяжении. Но от самого горизонта из-за речной кромки, обозначенной тальниками, отчетливо слышалось тарыхтение двигателя.

Кузьмин тронул Остудина за плечо. Тот шагнул за порог, следом вышел Константин Павлович. Вместе они приблизились к берегу. Кузьмин, словно убеждая себя в невозможном, прислушался к нарастающему гулу и твердо сказал:

— Наша баржа. Кому же еще быть в такую рань?

Через несколько минут на горизонте появилась черная точка. Шлыков кубарем слетел с речного откоса, нырнул в каюту и тут же появился на палубе с биноклем в руках. Пошарил им по горизонту, поймал черную точку и, не отрывая бинокля от глаз, произнес:

— Они.

— Чего ты там стоишь? Давай сюда бинокль, — строго потребовал Остудин.

Шлыков спустился с баржи, передал бинокль. Остудин долго водил окулярами по речной глади, прежде чем поймал то, что хотел. Но объект наблюдения был слишком далеко, и детали Роману Ивановичу разглядеть не удалось. Он различил лишь баржу и какие-то грузы на ее палубе, да высокую надстройку речного толкача. Кузьмин сначала осторожно тронул Остудина за локоть, а затем нетерпеливо потянул бинокль на себя. Ему тоже хотелось рассмотреть появившееся на горизонте судно.

Баржа подошла к причалу минут через двадцать. Когда толкач разворачивал ее против течения, Кузьмин не выдержал и сказал:

— Ну, вот и начали мы, Роман Иванович, отсчет нового времени.

— Почему нового? — не понял Остудин.

— Потому что жить теперь будем в другом ритме.

Первое, что увидел Остудин на палубе баржи, это трактор-болотоход, отливающий на солнце еще не езженными, словно покрытыми глянцем, гусеницами. Или, может, первым был не болотоход, а новенький ярко-зеленый «КрАЗ»? Или не зеленый «КрАЗ», а сверкающий серебром мощный дизель? На палубе было много железа: разобранный фонарь буровой вышки, разобранные же громадные грязевые насосы, лебедка, трос... Остудин охватил все это добро одним жадным взглядом. И до него вдруг только сейчас дошел смысл слов Кузьмина о жизни в другом ритме. До этой минуты все, что делалось в экспедиции, было лишь продолжением прежней работы. С приходом баржи под эпохой Барсова подводилась черта. Начиналась эпоха Остудина.

Баржа причалила, и все тут же пришло в движение. Катер подтащил плавучий кран, который пришвартовался к ней. В свою очередь с другого борта к катеру пришвартовалась посудина Шлыкова.

Остудин с Кузьминым поднялись на палубу толкача, представились капитану. Надо было соблюсти все формальности по приему-передаче груза. Капитан был небрит, с красными воспаленными глазами, и выглядел очень усталым. Трое суток непрерывного хода по разлившейся непредсказуемой реке давали себя знать. Остудин не стал задерживать измотавшегося человека лишними вопросами.

— Давайте накладные, — сказал он. — Сейчас примем оборудование и отдохайте. Баржу разгрузим без вас.

Надо было решить, что отправлять в первую очередь, а что оставлять до следующего рейса. На Кедровой таких условий, как в Таежном, для погрузки-разгрузки нет. Там вообще нет ничего — ни причала, ни плавучего крана. Правда, два дня назад, сразу после звонка Батурина, Остудин отправил на новую площадь две баржи — одну с дизельным топливом, другую с цементом и автомобильным краном. Но автокран не идет ни в какое сравнение с речным. Его возможности ограничены. Поэтому первым делом надо послать туда трактор. Самое тяжелое оборудование он может стаскивать с баржи по каткам.

— Знаешь, Роман Иванович, — обратился к Остудину Кузьмин. — Мне что-то боязно за дорогу. Поплыву-ка я вместе со Шлыковым. Как думаешь?

Предполагалось, что Кузьмин должен был лететь вертолетом на Кедровую завтра. Площадку под оборудование готовил там начальник вышкомонтажного цеха Базаров. Его люди уже два дня работали на берегу Ларьегана. Все вроде бы шло как надо, но подстраховаться не мешает. Если баржа застрянет, Кузьмин тут же по

рации вызовет подмогу. В душе Остудин порадовался острой заинтересованности в деле своего зама и был ему за это благодарен. Но внешне отнесся к предложению Кузьмина как к само собой разумеющемуся.

— Конечно, плыви, Константин Павлович. Я прилечу, как только загрузят последнюю баржу.

На Кедровую Остудин прилетел через неделю, вместе с Еланцевым и Таней Ростовцевой. Таня давно собиралась в экспедицию, но всякий раз находилась причина отложить поездку. Вернее, она находила ее сама. Таня боялась встречи с Остудиным. То, что произошло между ними в гостинице, угнетало ее. Тем более что отношения с Андреем начали налаживаться. К поездке подтолкнул звонок из «Приобской правды». Николай Макарович Гудзенко попросил написать репортаж о нефтеразведчиках.

— Давно у нас о них ничего не было, — сказал он. — А ваша «Таежная» выходит на новую площадь. Ты можешь сделать оттуда хороший материал.

Таня пересилила неловкость и позвонила Остудину. Машенька ответила, что он на причале, и когда появится в конторе, никто не знает. Таня попросила разыскать его и передать, чтобы он связался с редакцией «Северной звезды».

— Задание райкома партии, — сказала она для пущей важности.

Остудин позвонил через два часа. Сказал, что завтра в восемь вылетает на Кедровую. Таня прикинула: в шесть утра из Андреевского в Колпашево отправляется «Ракета», в семь она будет в Таежном. Так что успеть вполне можно.

— Хорошо, — сказала она. — В начале восьмого я буду у вас в конторе.

— Рад буду видеть тебя, — живо и, как показалось, нетерпеливо отозвался он.

Таня поняла: Остудин надеется встретиться с ней наедине. И тут же подумала: «Как хорошо, что у нас для этого не будет времени».

«Ракета» прибыла в Таежный по расписанию. Таня сошла на дебаркадер, по деревянным мосткам поднялась на берег и увидела «уазик» начальника нефтеразведочной экспедиции. Шофер Володя услужливо распахнул дверку машины:

— Роман Иванович приказал доставить вас к нему домой.

— Почему так официально? — удивилась Таня.

— Потому что вы — лицо официальное.

Таня замешкалась: Остудин перехитрил ее, поставив в безвыходное положение. В самом деле, не возвращаться же ей назад. Да если бы она и захотела сделать это, возвращаться было не на чем. «Ракета» ушла, а попутный вертолет из Таежного в Андреевское раньше обеда не полетит. Так что отступать было некуда, и Таня села в машину.

Остудин не вышел встречать гостью. Таня поняла, что должна зайти в дом. Собрав всю решимость, она открыла калитку и пошла по деревянному тротуару. Наружная дверь дома, ведущая на веранду, была не заперта. Таня вошла, постучалась в кухонную дверь и одновременно потянула ее на себя. Дверь поддавалась. Таня шагнула на порог и тут же попала в объятия Остудина. Он крепко стиснул ее, поцеловал в губы.

— Да ты что, Роман? — от неожиданности она уперлась руками в его грудь и попыталась вырваться. — Нельзя же так. Нас ждет шофер...

— Все можно, — Остудин выпустил ее из объятий, взял за руку и повел в комнату. — А шофер подождет.

В дверной проем Таня увидела угол кровати. Край одеяла на ней был загнут, под ним виднелась белая, еще не расправившимися складками, простыня. Таня поняла, что если сейчас не пойдет туда, Остудин затащит ее силой. Он был настолько возбужден, что она слышала учащенный стук его сердца, а может, это ее сердце колотилось. В такую минуту мужчину трудно удержать. А она больше всего боялась насилия над собой. Не зная, что делать, Таня несколько мгновений колебалась. Но Остудин снова притянул ее к себе и начал торопливо осыпать жадными поцелуями. И она поняла окончательно, что просто так ей отсюда уже не выбраться.

— Идем, чего уж, — тихо сказала Таня и шагнула в комнату...

Потом они сидели за столом и пили кофе. Остудин, улыбаясь, смотрел на Таню, глаза его светились счастливым блеском. Сначала она старалась не обращать на это внимание, но вскоре отставила чашку и спросила:

— Что ты на меня так смотришь?

— Никогда в жизни я не любил ни одну женщину так, как тебя, — сказал он и взял ее узкую холодную ладонь. — Вот ты сидишь сейчас рядом со мной, и я счастлив. Смотрю на тебя и думаю: «Господи, неужели это не сон? Неужели все это на самом деле?»

Он поцеловал ее ладонь, но не выпустил из своей руки.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Таня.

— Что я хочу сказать? А вот что: давай плюнем на все и поженимся. Уходи от своего мужа, а я не буду вызывать свою жену.

— Шутишь? — Таня высвободила ладонь и отодвинулась от стола. — Ты знаешь, что за этим последует? Меня выпрут с работы, да и тебя освободят тоже. Мы превратимся в двух бомжей. Ты этого хочешь?

— Счастье ведь не в том, какое общественное положение занимает человек, — сказал Остудин. — Не пропадем.